



БЕСЕДЫ В АНТРАКТАХ

«НАЧИНАЮ
С ПРОСТЫХ
ВЕЩЕЙ»

Недавно:

заслуженный артист ЭССР Юхан Вийдинг сыграл на сцене театра имени В. Кингисеппа одну из самых сложных ролей мирового репертуара — Гамлета;

известный поэт Юхан Вийдинг выпустил в издательстве «Ээсти Раамат» шестой сборник стихов «Надежда на жизнь»;

драматург Юхан Вийдинг в соавторстве с Тынисом Рятсепом написал пьесу «Существо»;

режиссер Юхан Вийдинг поставил эту пьесу на сцене театра имени В. Кингисеппа.

Сегодня с Юханом Вийдингом беседует наш корреспондент Е. Скульская.

Корр.: — Не правда ли, Юхан, в последнее время чувствуется возрождение некоторых, условно говоря, ренессансных традиций: художникам становятся тесны границы полотна, писателям — границы слова, музыкантам — границы нотного листа. Но особенно часто переходят в смежные миры искусства артисты: вспомним прозу Василия Шукшина, песни Владимира Высоцкого, пародии Леонида Филатова, стихи Владимира Рецептора...

Ю. Вийдинг: — А нужно ли вообще устраивать в творчестве ведомственные барьеры, напоминающие порой перегородки в коммунальных квартирах? Извечно

существовало Искусство, извечно существует Художник, творящий его. Деление же на виды и жанры чисто условно, и потому эта условность так легко преодолевается.

Корр.: — И все-таки себя, я знаю, вы считаете прежде всего драматическим артистом. Почему же?

Ю. Вийдинг: — Потому что театр для меня самый близкий, самый прямой путь поисков правды. Причем это не та правда профессии и ремесла, которой владеет актер и режиссер, это та искра, которая выскакивает от соприкосновения с огромным зрительным залом.

Вы, наверное, замечали, что в повседневной скомканной жизни-спешке мы утрачиваем великое искусство разговора и, главное, искусство слушать. Но вот в театре, когда я выхожу на сцену, меня выслушивают несколько часов подряд несколько сотен человек. И не просто выслушивают, они требуют, они протестуют против каждой ноты фальши и лжи, я вижу их лица, они могут мне сделать замечание, могут укорить меня, и только человек, начисто лишенный чувства благодарности, может не внимать им.

Однажды я взял в театр на «Пер Гюнта» свою четырехлетнюю дочку. Я играл роль главного героя. После спектакля я, естественно, спросил у девочки, что ей

понравилось. И вдруг она ответила, что ей не понравилось. «Почему, — спросила она, — ты в начале все время слушал, открыв рот? Ты ведь никогда не делаешь этого дома!». Такого жгучего стыда я не испытывал никогда в жизни. Хлесткая детская фраза «А король-то голый!» прошла точно по мне. Ведь это наивное замечание оказалось болезненно точным: за ним вставали и моя усталость в этот вечер, и некоторая разочарованность в роли и спектакле, приведшие, в конце концов, к попытке не жить на сцене, а только симулировать жизнь.

Корр.: — Но не хотите ли вы этим сказать, что актер на сцене, чтобы добиться правды, должен всякий раз играть только самого себя?

Ю. Вийдинг: — Да, себя, но не в узком, а в очень широком смысле. Себя в совокупности всех помыслов и желаний, опыта и впечатлений, понимания других — близких и далеких людей. И наконец, главное — свое понимание жизни. А для этого жизнь нужно знать, впитывать ее. Писателю для творчества нужна бумага и ручка, актеру не нужно ничего — только душа и тело, фиксирующие окружающее.

Корр.: — Этого, видимо, достаточно для того, чтобы иг-

рать героев-современников. Но в вашем репертуаре и барон Тузенбах, и Пер Гюнт, и Гамлет. Какой путь вы проделали к этим ролям? И еще — не «мешают» ли вам ваши предшественники-исполнители?

Ю. Вийдинг: — Что ж, знанием современности тут, конечно, не обойтись. Один советский режиссер как-то очень удачно сказал: я знаю, как держит в руках стакан шофер автобазы, но я понятия не имею, как держит в руках бокал датский принц. Не знаю и я. Но мне кажется, что все дело не в знании тонкостей быта и не нужно пытаться его воссоздать — это был бы урок по этнографии, а не постановка пьесы великого драматурга.

Тут, думаю, дело в понимании истории. Часто мы понимаем ее неправильно. Мы начинаем изучать ее с Древнего Египта, потом переходим к Древней Греции, Риму, последовательно подбываясь к сегодняшнему дню. А надо бы наоборот. Задумаемся, какими мы были вчера, позавчера, год назад, двадцать лет назад, какими были наши родители. Вот так мы сможем восстановить живую связь времен, о разорванности которой говорил Шекспир.

И тогда чувство гордости за сегодняшний день, чувство радости и боли за своих

современников станут путеводной нитью к великим драматургам прошлого. Собственная индивидуальность, определенная временем, не позволит кого-то повторить.

Корр.: — Есть ли у вас любимые роли?

Ю. Вийдинг: — Роли? Нет. Мне всегда как-то трудно вычленив свою роль из единого целого — спектакля, пьесы. (Поэтому, наверное, меня и тянет к драматургии, режиссуре). Но у меня есть любимые произведения. Например, пьесы Чехова, Беккета, Гоголя. Я люблю пьесы, в которых говорят об очень простых, понятных и обыденных вещах, из которых и образуются горести и радости людей. И не люблю пьесы, где герои бьются над проблемами, решать которые следует не в театре, а в других ведомствах...

Корр.: — А какие проблемы, по-вашему, должна решать поэзия?

Ю. Вийдинг: — Не буду судить о поэзии вообще. В моих же стихах часто встречаются противопоставления: черное—белое, да — нет, нравится — не нравится. Сталкиваясь их, я ищущ...

Корр.: — Гармонию?

Ю. Вийдинг: — Да. И начинаю опять-таки с самых простых вещей для того, чтобы обязательно быть понятым. Ведь нам надо очиститься от наслоений, ложной многозначительности, чтобы понять друг друга, чтобы доверять миру и себе.

Корр.: — В одном из стихотворений вы прямо говорите об этом:

Сбивая кулаки, мы
строим стену
из тел, из нас самих,
из наших мыслей.
Мы строим стену,
спиливая лица,
сличая мысли, сны и
кирпичи.
Но если брешь пробить
и разрешить
глазам глядеть на белую
площадку
из света, заслоненного
стенной,
раздеться до души и
звать прекрасным
прекрасное...

Вы, действительно, начинаете с простых вещей. Но идете к сложным, увлекая за собой поверившего вам читателя. Как возникает эта вера, как рождается правда стиха?

Николай Заболоцкий сравнивал поэзию с живописью («Любите живопись, поэты», — воскликнул он), Марина Цветаева говорила, что мир входит в нее звучанием, особенной музыкой.

Ваши же стихи, думаю, неотделимы от театра, актерского мастерства. Они включают, помимо слова, жест, мимику, пластику движения и, что очень важно, — паузу. Иначе говоря, в стихотворении уже заложено единственное его прочтение. Это не только драматургия, но и готовый спектакль, сыгранный одним актером-поэтом. И поэтому, хотя в ваших стихах не так уж часто встречается личное местоимение я, они неизменно обнаруживают, обнажают личность создателя.

Ю. Вийдинг: — Да, вы правы. Я даже сочиняю вслух, как бы заучиваю сначала свои стихи, репетирую их, а потом записываю. Читая их, я проверяю их убедительность.

Конечно, стихи создаются в одиночестве. И все-таки это активная форма одиночества, ибо обращаюсь я не только к своим мыслям, но и к своим читателям. Особенно к молодежи, школьникам. И я был бы счастлив, зная, что мои стихи хоть чуть-чуть помогают им понять себя, отказать от ложных представлений, обрести путь к правде нашего дня.

Корр.: — Только немногие из ваших стихов переведены на русский язык. Как вы относитесь к поэтическому переводу?

Ю. Вийдинг: — Я думаю, здесь нужно исходить из двух аксиом. Первая — стихи не поддаются переводу. Вторая — стихи переводятся прекрасно...

Корр.: — Мы начали наш разговор с того, что художники сейчас часто обращаются к смежным видам и жанрам искусства. У этого процесса есть и вторая сторона — тяга к творчеству, особенно к стихам, пробуждается у огромного количества людей, чьи профессии никак не связаны с литературой...

Ю. Вийдинг: — Вы не правы. Это не вторая, это та же сторона медали. Это сама наша жизнь дает мощный импульс к творчеству, к желанию обобщить свой опыт и передать его людям.